

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей Самаров

КАВКАЗКИЙ
ПЛЕННИК XXI ВЕКА

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Кавказский пленник XXI века

«Автор»

2014

Самаров С. В.

Кавказский пленник XXI века / С. В. Самаров — «Автор»,
2014 — (Спецназ ГРУ)

Рядовой Александр Арцыбашев честно отслужил в спецназе ГРУ, демобилизовался и отправился на малую родину, к родителям. Но до дома он так и не доехал. На одном из московских вокзалов Александру вдруг стало плохо, он потерял сознание, а очнулся уже в Дагестане, на невольничьем рынке. Его продали, как вещь, и увезли высоко в горы. Теперь у Александра появился «хозяин», который бил, унижал, морил голодом и заставлял работать с утра до ночи. Александр терпел и изображал из себя бессловесную жертву. Но смирение его было показным. Рядовой Арцыбашев не сломался и не отчаялся. У него созрел план побега, и он лишь усыплял бдительность своего «хозяина»...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	16
Глава вторая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Самаров

Кавказский пленник XXI века

Пролог

– Ты, сын блудной собаки, ты работать когда по-настоящему научишься!

Непомерно жирная и отвратительная усатая женщина из местных, с трудом произнеся русские слова, замахнулась на меня. «Под ее кулак, – подумалось, – лучше не попадать». Хотя бить она умеет, судя по поднятой руке, только внутренней стороной кулака, то есть по-женски, тем не менее вслед за кулаком полетит килограммов примерно под сто восемьдесят ее собственного веса. Не всякая голова выдержит.

– You yourself ragged pig¹, – уважительно и даже с почтением ответил я по-английски.

– Чего-чего? – переспросила женщина.

Английским она владела, наверное, не хуже китайского. Эх, женщины кавказские... Акул, на мой вкус, такими кормить следует. Кажется, она какая-то родственница хозяина. Сестра, что ли. Внешняя схожесть, по крайней мере, заметна без бинокля. И в лице, и в манерах, и особенно в фигуре. Акулы, кстати, не только полиглотов гложут, они от природы, слышал я, небрезгливые.

– Я стараюсь, только у меня не получается. Руки быстро устают.

Сам удивляюсь, откуда у меня взялся такой жалостливый голос. Того и гляди, заплачу. Но если и заплачу, то только для того, чтобы не захохотать.

Дядя Вася, старый и опытный алкоголик, с изъеденным мелкими синими прожилками носом, постучав по кирпичной кладке кельмой, стряхнул с нее остатки раствора, улыбнулся глазами, глядя на меня, показывая, что ему в бывшей его жизни не чужд был аглицкий язык, и размазал раствор по кирпичам. А все лицо дяди Васи оставалось серьезным. Он работал. Демонстративно.

Под приглядом толстой женщины я положил в ведро две совковые лопаты раствора, чуть-чуть добавил сверху и потащил это ведро по тонким мостикам на стройку. Мостики прогибались и обещали непременно вскоре провалиться. Ладно еще здесь, пока первый этаж до конца не вывели. А что потом будет? Но хозяин, еще более толстый, чем его родственница, и оттого страдающий тяжелой одышкой, привез эти «бэу» доски откуда-то, наверное, со свалки, в багажнике своего роскошного «Кадилака ATS» и велел использовать их на мостики. Нормальных крепких досок ему было жалко. Падать на уровне первого этажа не так страшно, а вот когда выше поднимемся, мостики удовольствия не доставят никому. Я мельком видел, кстати, проект дома. Три этажа. С третьего этажа падать на осколки кирпича и щебень я бы хозяину с родственницей пожелал. Одновременно и с музыкой. Музыку сам бы им сыграл, пусть только гитару принесут. Слышал я однажды, как на гитаре в шутку похоронный марш играли. Думаю, у меня получилось бы.

Мостики убийственные. Хотя в народе ходят слухи, что не бывает худа без добра. Думалось, начиная с уровня второго этажа ни хозяин, ни его сестра на стройку не взойдут, мостики не позволят. И нам тогда будет легче прожить.

Но я не дождался, когда мы доведем стены хотя бы до окончания первого этажа. Доски затрещали под моим весом и под весом двух ведер с нелегким раствором, раздался хруст, и я упал. Одно ведро опрокинулось, и раствор разлился. А я слегка подвернул лодыжку и сел, усиленно растирая ее.

¹ You yourself ragged pig (англ.) – Сама ты свинья драная. (Здесь и далее прим. автора.)

– Козел... – как эта усатая тетка может даже одно слово произнести с таким ужасным акцентом, просто удивительно. – Наваливай снова и неси быстрее. Видишь, тебя ждут!

– Свинья... – как-то нечаянно вырвалось у меня. – Сама таскай, может, хоть на полкило похудеешь.

Усатая бочка чуть не лопнула от возмущения.

– Амир! Ты слышал?

Амир – хозяйский помощник, или надсмотрщик над рабами, не знаю уж, как его должность правильно назвать, схватил попавшуюся под руку палку, заорал что-то на своем языке и бросился на меня, как сторожевой пес, получивший команду «Фас!». Я встал, поджидая его. Нога держала неуверенно, мешал тяжелый рабочий фартук, тем не менее, поймав дистанцию, я сократил ее как раз вовремя, когда Амир начал разворачиваться для удара с правого плеча, но еще не успел подать руки вперед, чтобы этот удар нанести. Я же стремительно скользнул за его левое плечо и двинул локтем в лоб, а каблуком сзади под колено. Амир упал на битые кирпичи затылком и взвыл, как дикий зверь, оскорбленный в своих лучших чувствах. Но его палка была уже у меня в руках. И я тут же нанес Амиру быстрый удар острием в лицо. Кажется, в глаз угодил, но Амир меня не сильно волновал. Оставив его оплакивать свой выбитый глаз, я сделал скачок, свел руки на палке в узкий хват, чтобы увеличить ее длину, и обрушил тяжелую дубину на жирное плечо усатой сестры хозяина. Не знаю, что отвело мою руку от ее головы, но что-то отвело. Наверное, то, что она – женщина, хотя назвать ее женщиной всерьез я бы постеснялся. Да и достаточно было с нее перелома ключицы.

И в это время я увидел, как раскрываются автоматические ворота, и в их проеме показалась одна фара хозяйского «Кадиллака». Хозяин обычно ездит с двумя вооруженными охранниками, а подставлять свое молодое тело под их пистолеты мне вовсе не хотелось. Убежать из-за высокого забора было невозможно. Я просто не имел способностей для того, чтобы допрыгнуть и зацепиться за гребень стены, поднятый на три с половиной метра. Значит, предстояло разбираться здесь же, во дворе. Не ждать, когда все решится за меня, как ждут обычно мои собратья по несчастью бомжи, а самому решить.

Действие началось. Нужно было срочно продолжать. Дистанция до ворот была небольшой, мне, конечно, мешала боль в ноге, и опять же рабочий фартук, сделанный из какого-то тяжелого и плотного кожаменителя, но я, придерживая его руками, со всей возможной скоростью рванул, чтобы успеть туда, хорошо понимая, что пистолет на ближней дистанции не так страшен, как на дистанции в несколько метров...

Древний Рим, говорят историки, сгубили рабы. Сами римляне, используя рабский труд, постепенно превратились в ни к чему не пригодную нацию. Наверное, со временем и Дагестан погибнет. Он уже на прямом пути к этому. Мой опыт говорит о возможности такого конца.

В дурацкое рабство в Дагестан я попал глупо. И, конечно же, по своей вине, хотя готов всех предупредить, как опасно держать подобных рабов. Правда, мое предупреждение навряд ли кто услышит, я его ни разу не произносил громко. А зря. Произносить предупреждение громко, это значит – предупреждать врага. Пресловутое «Иду на вы»² в моей ситуации неприемлемо.

Отслужив свой законом положенный срок, я уволился из армии, как и пришел в нее, рядовым, но домой сразу не поехал, хотя знал, как ждет меня мама, да и сам целый год стремился туда мыслями. Но я, не предупреждая ее, так как понимал, что она будет против, хотел заехать к отцу. Для этого нужно было сделать в Москве пересадку с поезда на поезд, но от поезда до поезда ждать следовало с половины шестого утра до двадцати трех с лишним. Я от природы терпеливый, как клещ, который может месяцами ждать свою добычу, чтобы

² «Иду на вы» – фраза князя Святослава, который перед началом очередного похода предупреждал своих противников.

присосаться к ней, тем не менее ждать для меня внутренне всегда мучительно. Умел ждать, но не любил. Но что поделаешь, если необходимо. И я ждал, поскольку специальный поезд мне никто не предоставит, а как добираться другим транспортом, я просто не знал. Но даже ждать мне пришлось на другом вокзале, не на том, на который я приехал. Впрочем, перейти с вокзала на вокзал нетрудно и недалеко. Множественными чемоданами я не обзавелся, ограничив себя спортивной сумкой, а пресловутая площадь трех вокзалов – пространство невеликое, можно перейти, не споткнувшись. Маме же я умышленно написал предполагаемую дату увольнения на две недели позже той, что нам обещали, и даже предупредил, что дата эта – только обещанная, и обычно бывает несколько дней задержки. А я эти две недели собирался провести с отцом, как он и просил меня. К нему и ехал. Очень хотелось увидеться, ведь я, в отличие от мамы, не питал к нему неприязни.

Сначала я сидел в общем зале ожидания в тесном одиночестве. Я вообще от природы имею склонность к одиночеству и не люблю человеческого кучкования. Но солдат, уволившихся в запас, на вокзале было немало – подошло время массовой демобилизации. И как-то так получается всегда, что солдаты, даже из разных родов войск, даже служившие в разных концах страны, быстро находят общий язык и образуют свою, уже полувоенную компанию, поскольку с армией уже простились, но форму еще не сняли. Ко мне с парой вопросов подошли сержант с солдатом. На вопросы не отвечать у меня причины не было. Последовало приглашение. А время надо было как-то убивать, и я быстро и органично вошел в небольшую солдатскую компанию. Из восьми человек двое ехали в отпуск – солдаты-контрактники, остальные демобилизовались, как и я.

Я не чувствовал себя среди них изгоем, несмотря на то что мне были во многом чужды их общие разговоры, размышления и воспоминания. Хотя, признаться, меня всегда смешили «дембеля», которые навешивали на себя отбеленные хлоркой самодельные аксельбанты, обшивали погоны и отвороты рукавов белым пластиковым кантом, устанавливали какие-то смешные подкладки под обычные армейские значки, а самих этих значков навешивали на себя великое множество без всяких на то оснований. И вообще старались украсить свою «парадку», как только могли. Я же ехал домой в «камуфляжке», которая мне нравилась больше парадной формы, потому что подчеркивала сущность моей службы и учила никогда не высовываться раньше времени. По последней причине у меня была нашивная эмблема не с привычной «летучей мышью», а общевойсковая. И никому из компании я не говорил, что служил в спецназе ГРУ, даже две свои медали, полученные за две командировки на Северный Кавказ, держал в спортивной сумке, а не носил на груди. Я старался быть скромным человеком, хотя я всегда хотел отличаться от других, потому что по натуре своей был и остаюсь индивидуалистом.

Армия и участие в боевых действиях кое-что прибавили к моему характеру. Эти солдаты, с которыми я встретился на вокзале, не видели и не знали еще всего того, что видел и знал я. Но они чувствовали себя героями. Я же скромно молчал...

Наверное, если бы Господь не запрещал Адаму с Евой трогать плоды с известной райской яблони, а просто сказал, что эти плоды невкусные, они не тронули бы это яблоко и все уговоры змия оказались бы напрасными. О сладости запретного плода знают все. Армейская дисциплина исключает для солдат алкоголь, делая его тем самым запретным плодом, который сладок. И солдат при каждой возможности старается найти что выпить. Все пьют по-разному. Кто-то просто веселеет и расслабляется, кто-то пьянеет и творит невесть что. Все зависит от человека. В спецназе ГРУ солдаты не являются исключением, но я не помню случая, чтобы кто-то из моих сослуживцев бывал в стельку пьяным. Наверное, у нас специфика службы такая – мы считались находящимися в постоянно действующей армии. Кроме того, физические нагрузки, выпадающие на солдатскую долю ежедневно, десять раз заставляют задуматься, прежде чем выпить больше, чем можешь выпить безболезненно. Если

кто-то переборщит, как он утром побегит обязательный марш-бросок? Нагрузки у нас на занятиях обычно бывают такими, что обыкновенному здоровому человеку могут показаться зверством. Но это не нас истязали, а мы сами себя. И кто захочет перед утренним пробегом с вечера пить больше?..

Но вырвавшиеся со службы солдаты часто слишком резко сбрасывают свое напряжение именно с помощью бутылки и стакана. Это я знал и видел давно, еще до того как сам начал носить погонь.

Мы устроились на невысоком каменном крыльце неработающего магазина. Кто-то, хотя и не все, уже усиленно дышал на других запахом свежего алкоголя. Кто-то, не позадумав, вытащил из своей сумки пару бутылок водки сомнительного внешнего вида. И пластиковый одноразовый стакан многократного использования появился тут же и быстро прошел по кругу. Пара полицейских проиствовала в стороне, покосилась на нас, но полицейские тоже, возможно, когда-то в армии служили и тоже, наверное, демобилизовались в свое время, поэтому с пониманием прошли мимо.

За первыми бутылками появлялись новые. Я, честно скажу, вообще к водке отношусь без уважения. Не любитель, поскольку много и всерьез занимался спортом. Но когда мне протягивали стакан, не отказывался, хотя сам за ним не тянулся. Пошли отвлеченные разговоры. Рядом оказались какие-то люди. Пара бомжей, у которых профессия на лицах и на штанах написана. Говорили все одновременно, и никто никого не слушал. Один я, наверное, молчал, ничего о своей службе не рассказывая. Может быть, потому меня и выбрал этот человек. Гражданский. Неизвестно, откуда среди нашей компании появившийся. Мне показалось, что это цыган.

– Куда, браток, едешь? – прозвучал равнодушный вопрос.

– В Кострому.

– Земляк! – всплеснул руками цыганистый.

– Нет. Совсем не земляк. Я там ни разу еще не был. У меня там отец живет. Давно его не видел, навестить хочу. А сам я с Урала.

– Поездом или на машине едешь?

– Поездом.

– Я, наверное, раньше тебя доберусь. Недавно знакомых встретил. Через полчаса за мной заедут, и двинем. Через три часа будем там. Кстати, кажется, в машине место было. Если есть желание, могу позвонить, узнать. Поедешь?

– Сколько это будет стоить?

Цену я мог себе представить, а с деньгами у меня было негусто.

– Неужели мы с солдата будем деньги брать! До дома доставим... Звонить?

Перспектива показалась мне заманчивой. Поезда и ждать долго, и идет он долго. Успею к отцу только к завтрашнему утру. А так вечером уже у него буду.

– Звони.

«Бояться мне было нечего», – самоуверенно думал я. У меня не только звание мастера спорта России по боксу, я еще прошел годовой курс боевой подготовки по рукопашному бою спецназа ГРУ. Пять-семь неподготовленных человек уложу голыми руками. В своих силах я был уверен, а после выпитого вообще стал отчаянным храбрецом. Да и кому я нужен! Что с меня взять? Солдатские копейки? Их слишком мало, чтобы рисковать. Моя самоуверенность меня и подвела.

Цыганистый позвонил. Место нашлось. И через полчаса мы с ним вышли к дороге. На прощание нам налили «на посошок». Но я все еще ощущал себя трезвым. Машина вскоре подошла. В ней сидели трое, двое – кавказцы, один – откровенный цыган. Водитель протянул мне руку, представляясь:

– Дауд.

– Саня, – просто ответил я.

Дауд открыл багажник старенькой «Ауди», мы с цыганистым бросили туда свои сумки и сели на заднее сиденье. Я оказался в середине между цыганом и цыганистым. Едва машина тронулась, цыган достал из кармана початую бутылку водки и пластиковый одноразовый стакан. Налил полстакана и протянул мне. Я выпил. И еще успел удивиться, что больше никому цыган не налил, но тут же все окружающее – люди, машина, дорога – поплыло у меня перед глазами, и я уронил голову на грудь. Сквозь туман до меня донесся голос цыганистого:

– Все. Это последний. Купе забито до отказа. Плати, Дауд.

– Нет проблем, – ответил водитель...

Что за отраву мне подсунули, до сих пор не знаю. Но подействовала она сразу.

И сколько я находился в отключке, тоже вспомнить не смог. В себя я пришел от тряски. Болтало жестоко, как на виброплатформе. Есть такая штука забавная. Еще до армии, когда я занимался спортом, забрался однажды шутки ради, на эту самую виброплатформу. В нашем Дворце спорта работал фитнес-центр, там и был этот только входящий тогда в моду новый тренажер. Но сейчас при воспоминании о виброплатформе мне не казалось, что я нахожусь в спортивном зале. Я вообще не мог здраво сообразить, где нахожусь и что со мной произошло, хотя за год службы в спецназе ГРУ научился просыпаться всегда с ясной головой и в твердой памяти, готовый сразу к действиям. Это потом уже, «задней памятью» осмысливая происшедшее, я составил себе приблизительную картину. А тогда долго не мог открыть глаза, веки были тяжелее чугуна. И все лицо, как и голова, было непривычно тяжелым, неспособным к быстрым реакциям. Еще не открыв глаз, я поднял к лицу такие же тяжелые и неповоротливые руки, потрогал его, слегка потер глаза и только после этого открыл их. Но мало что увидел. Я мог бы даже подумать, что ослеп, если бы свет с улицы не проникал через несколько щелей. Лицо было отекившим и опухшим, меня слегка тошнило, голова гудела, словно ее засунули в гудящий колокол. Тело было непривычно непослушным, вялые мышцы налиты свинцовой болью. Ощущение такое, будто я только что выбрался из-под гусениц пляшущего на мне танка. И только тогда я частично вспомнил, что со мной произошло. И не просто вспомнил, а сразу попытался проанализировать ситуацию и не понял, почему пошел за этим цыганистым парнем, почему я согласился с кем-то поехать на машине. Что это было? Знаменитый цыганский гипноз? И, естественно, меня волновал вопрос, зачем цыганистому, Дауду и другим все это было нужно? Я понимаю, что в Дагестане, когда был там в командировке в составе своего взвода, я еще мог бы представлять какой-то интерес для бандитов. Заложник или пленник, за которого можно получить выкуп. Но захват человека в Москве, где меня никто не знает, рядом с вокзалом, где нет друзей и знакомых, а есть только попутчики, – какую цель могут преследовать эти люди? И почему кавказцы были вместе с цыганами? То, что цыгане испокон веков живут по нормам имморализма³, это ни для кого не секрет. От цыган я никогда ничего хорошего не ждал. Впрочем, и от представителей кавказских народов тоже. Еще наш заместитель командира батальона по воспитательной работе майор Коновалов, помнится, объяснял нам перед командировкой на Северный Кавказ, чем в первую очередь отличается менталитет русского человека от менталитета кавказца. А отличается он тем, что в случае какого-то конфликта русский человек примет сторону того, кто прав, а кавказец примет сторону кавказца. Это особенность большинства малых наций, своего рода гарантия их выживаемости. Но эта же особенность, как считают философы, никогда не позволит тем же кавказцам создать большую и мощную империю. Империя, какая была создана когда-то русскими царями, включала в себя множество народов. А приверженность к своим не позволит им стать главным народообразующим составляющим

³ Имморализм – отрицание обязательности норм и принципов морали.

в обществе. А все попытки создать империю с помощью силы обречены на провал. То есть создать можно, но удержать власть не получится. Даже Римская империя давала лучшим представителям завоеванных народов римское гражданство, но все граждане и неграждане одинаково подчинялись римскому праву, которое до сих пор стоит во главе любой правовой системы, и лучшего, говорят, человеческие умы выдумать не могли.

Цыгане, как я понял, меня только заманили и передали кавказцам. Вернее, продали, потому что я успел услышать разговор о деньгах. Это, конечно, неприятно, но еще более – непонятно. А непонятность всегда все осложняет, заставляет ломать голову над вопросами, которые ты решить не в состоянии. Зачем я этим кавказцам? Этого я не понимал и своим умом не мог добраться до сути.

В стороне от меня кто-то легонько застонал, хотя и не попросил помощи, мне даже показалось, что человек застонал во сне. Я сел и осмотрелся, хотя увидеть что-то в темноте было невозможно. И понять что-то было невозможно. И спросить у кого-то тоже невозможно. Я пощупал руками по сторонам и сразу ощутил чужие тела поблизости. Живые тела! Слава богу, не с покойниками везли. Узнать, кто мои попутчики и куда мы направляемся, было бы хорошо, и вообще хорошо бы встать и подойти к щели, чтобы свежего воздуха глотнуть. Я честно попытался, однако это оказалось настолько трудным делом, что я предпочел даже не лечь снова, а просто бессильно свалиться на уложенные на пол листы картона, чтобы попытаться перевести дыхание. Но, приняв горизонтальное положение, тут же уснул...

Когда проснулся в следующий раз, подумал, что за глоток воды готов грудь подставить под автоматную очередь. И даже, может быть, свою. Где-то в стороне даже не слышался, а просто ощущался слабый, как шелест речной волны, шепот.

– Воды бы... – сказал я негромко. – Сдохнуть без воды можно...

– Терпи, раз сюда попал, – вяло ответил кто-то. – Может, раз в день и принесут воду. Если не забудут. Но скорее поленятся...

– А куда я попал?

– В контейнер. Не нравится, что ли? Это еще ничего, когда в контейнере. Терпимо. Некоторых, я слышал, вообще в ящиках перевозили.

Так я узнал, в каком «купе» еду, и начал тихо расспрашивать, забыв про воду.

Нас, семерых человек, везли в контейнере, поставленном в кузов грузовика. Вместо матрацев нам выделили какие-то сложенные один на другой куски толстого упаковочного картона. Бока наши такой упаковкой берегли, только для чего, я еще не понял. Пришлось спросить. Разговаривал со мной один мужчина, остальные, как мне показалось, не скоро к жизни вернуться. Им, видимо, тоже что-то подсыпали, как и мне.

– И куда же нас?

– На курорт. Знаешь, куда нормальные люди на курорт ездят? При советской власти, по крайней мере, ездили...

– Куда? Я при советской власти еще ходить не умел и до курортов тоже не добирался.

– На Кавказ.

– Кавказские Минеральные Воды? – спросил я первое, что пришло в голову по ассоциации с понятием курортов Кавказа.

– Скорее слегка восточнее.

– Адрес знаешь?

– Предполагаю.

– И...

– Дагестан.

– По поводу?

- А без повода. На работу...
- На какую работу? – не понял я.
- Ты откуда свалился, парень? – прозвучал откровенный вопрос.
- Из армии. Домой ехал после «дембеля».
- В каком звании?
- Рядовой.
- Значит, надолго не доехал. Был рядовым солдатом, стал рядовым рабом.
- То есть? Чьим рабом? – возмутился я.
- Того, кто тебя купит. Или не знаешь, что наша страна в средневековье скатилась?

По крайней мере, ее южные регионы. Скатились и увязли там по самые уши...

От собеседника ли или от других соседей сильно пахло застарелой мочой, как от настоящих многовековых бомжей, но говорил он грамотно, хотя слегка шепеляво. Но такое оригинальное произношение обычно бывает результатом отсутствия передних зубов. Судя по голосу, мужчина был немолод и имел жизненный опыт, которого почти не было у меня. Если в сравнении с солдатами я сам себе казался опытным человеком, то здесь я был просто юнцом. Его слова больно меня ударили. До легкого шока. Но ненадолго. Я знаю, что есть звери, которых ни одна клетка не удержит. И я сам из таких. Они терпеливые, долго ждут момента, но когда он настанет, не упустят его. Это опасные звери. И рабом я буду опасным. Не завидую тому хозяину, кто пожелает занять такого. Этот раб обеспечит ему обязательные проблемы, вплоть до возможности намного раньше срока и совершенно неожиданно для самого себя лишиться жизни и заодно всех благ.

Обозлившись на себя и на то, что со мной по моей же вине случилось, я резко перевернулся лицом вниз и, непонятно что себе этим доказывая, начал отжиматься от трясущегося под ладонями картона – вибрации кузова грузовика легко передавались через пол контейнера в ладони. Я не просто отжимался, напрягая мышцы, я выгонял из себя всю хмурь, всю гадость, которой меня напичкали, и алкоголь, и то, что в него намешали. В контейнере было душно и жарко, но я умышленно заставлял себя пропотеть как можно сильнее, чтобы вместе с потом вывести из организма токсины, связывающее мое тело, делающие его рыхлым и вялым.

Мои движения скорее всего не были замечены в темноте, как я сам не видел чужих движений, но звук дыхания был громким, и тот же человек спросил:

– Чем ты там занимаешься, рядовой?

– От пола отжимаюсь, – ответил я, понимая, что мой ответ носит слегка шоковый характер.

Но от шока он избавился быстро. Должно быть, мужик «тертый», которого удивить чем-то особенным сложно.

– Молодец. Сколько раз отожмешься?

– Хочу двести. Но получится, думаю, с трудом. Давно не тренировался. И общее состояние хреноватенькое.

Я отжимался и отвечал на вопросы, выталкивая из себя слова вместе с дыханием. И потому слова получались короткие и сердитые.

– Только дагам не показывай этого, – прозвучал совет. – Иначе такого раба запрягут на три нормы. Наоборот, показывай, что ты слабак и неженка, не то за неделю заедят...

– А ты сам откуда все знаешь? Похоже, уже бывал в рабстве?

– Нет. Но слухи давно ходили, что даги творят. Многие парни из вокзальных знакомых просто пропадали, и все. И я ждал, когда до меня доберутся. Меня же никто искать не будет. Как и их всех. Даже, оказывается, цыган наняли. Мне еще мама в детстве говорила: не верь цыганам. Но я маму и в детстве не слушал, и сейчас советы ее забыл. Вот и стали наши вокзальные пропадать, а менты и народ только радуются этому. Мы же все – люди без дома.

Без определенного места жительства. БОМЖи – это называется... Ты один у нас такой, рядовой, до дома не доехавший.

Значит, я угадал в нем бомжа по запаху. И остальные, похоже, пахли так же. Компания, в которую я добровольно никогда бы не вошел. Мне хотелось сказать ему, что я долго в рабстве не задержусь и до дома все равно скоро доеду. Постараюсь доехать за две недели, как и обещал маме, и только потому, что не хочу ее волновать и расстраивать. Понимание этого подтолкнет меня к действию. Но кто знает, что за люди со мной едут, тем более бомжи. Такой национальности я никогда бы не доверился.

Кроме того, один из главных теоретических законов спецназа ГРУ звучит конкретно: если что-то собрался сделать, сначала сделай, а потом говори, если есть необходимость. Наши комбат любил повторять: «Бог дал человеку два уха, но только один язык. Слушай в оба уха, а говори всегда только одним языком. И как можно реже...»

Я все же не выдержал и подошел к щели, оставленной в двери. Саму дверь толкнул, но она была снаружи закрыта, может, даже опломбирована на случай проверки. Я ртом прикинул к щели и пил шедший через нее воздух, как гнилую и тухлую воду из прогнившего болота. Он был горячим и, кажется, пыльным, пропитанным автомобильными выхлопными газами. Но, если воду из болота, как нас учили, можно легко обеззаразить, бросив туда ветку черемухи, то воздух очистить у меня возможности не было. Вонь бы я пережил легче. Все-таки вырос в промышленном уральском городе, привычен. Но неприятно было, что он такой теплый. Наверное, машина от Москвы уже далеко на юг укатила. В Москве было прохладно, а мы сейчас ехали по жаре. Это чувствовалось и по нагретому контейнеру.

Теи не менее даже этот теплый и грязный воздух переносился легче, чем устоявшийся и все вокруг пропитавший запах моих попутчиков. Мне уже казалось, что и я этим запахом насквозь пропитался, поэтому стоял у щели долго, даже счет времени потерял. Потом устал и хотел снова залечь, в надежде уснуть и проснуться уже тогда, когда мы куда-нибудь приедем, но в это время машина начала тормозить.

– А если полиция машину остановит и захочет проверить груз? – спросил я разговорчивого попутчика, надеясь хотя бы с помощью полиции найти путь к спасению.

– Ты к кому обращаешься? – спросил другой голос, хриплый и донельзя пропитой. В этом голосе звучала откровенная агрессивность, причем явно против меня направленная. Должно быть, мое желание узнать свою судьбу его сильно раздражало.

– Кто ответит, – сказал я спокойно и почти вежливо.

– Спрашивай сразу меня, – отозвался прежний собеседник. – Меня зовут дядя Вася. А Ананас у нас нервный, с ним можешь и не беседовать. Он – нелюдимый. Менты, спрашиваешь?

– Да. Менты.

– Ну, заработают менты, и что с того? Они такие машины останавливают и сразу лапу тянут. Им в лапу кладут, и на этом вопрос бывает исчерпан. Даже смотреть не будут.

– А если я в стенку стучать начну? Стук услышат. Тогда что?

– Тогда машина отъедет от ментов и остановится. А сзади обязательно идет еще машина сопровождения. Они тебя выпустят, пистолет наставят, чтобы не болтал ногами, и избьют до полусмерти, чтобы другим неповадно было, – с радостью в голосе объяснил Ананас.

– Да, – согласился дядя Вася. – Даги всю полицию по дороге скупили. И давно уже.

– И почему нас по домам без автомата отправляют! – возмутился я...

Воду нам принесли только ночью, когда уже стемнело и луч света уже не пробивался сквозь щель в дверях. Сначала послышался грохот. Машина стояла, и кто-то без стеснения будил нас, вышагивая по крыше контейнера. Потом противный металлический скрип возвестил, что нечто происходит, скорее всего, действие, несущее нам перемену обстоятельств.

Но меня, как, возможно, и других, больше волновало даже не это действие, которое все равно в конце концов произойдет, когда мы на месте окажемся и нам объяснят нашу дальнейшую судьбу, а вопрос утоления жажды. Казалось, что губы и язык во рту начали трескаться. Препарат, которым меня, а может быть, и других, свалили, был, видимо, каким-то сильным обезвоживающим средством. Плюс к этому алкогольное обезвоживание, которое приходит вне зависимости от количества выпитого.

Металлический скрежет я понял правильно. Дверь приоткрылась, вернее, открывали засов, и только потом дверь, и я, как самый подвижный из всех, первым оказался рядом, чтобы глотнуть воздуха. И даже попытался ее пошире распахнуть, но она открылась только на пару десятков сантиметров, а дальше, как я сумел все же рассмотреть при свете луны и звезд, стоял второй, точно такой же контейнер. Первая моя мысль была естественной – появится человек, я сразу бью на «отключку», и – свободен. А потом быстро по крыше контейнера к кабине – водитель тоже не должен быть помехой, – разворот, и обратная дорога до первого города, где есть управление полиции. И пусть рядом стоит машина сопровождения, грузовик без труда протаранит любую легковушку без ущерба для себя. Тем более, я обучен производить автомобильный таран, здесь главное – сразу после столкновения не сбрасывать ногу с педали акселератора.

Но меня ждало разочарование. Когда дверь раскрывается так узко, убежать из контейнера невозможно – человеческое тело сможет просунуться в маленькое отверстие проема только после основательного знакомства с асфальтовым катком. А полностью открыться ей мешал второй контейнер, стоящий дверью впритык к нам. Однако расстраиваться я не стал и легко согласился с тем, что еще рано предпринимать попытку побега. Служба в спецназе ГРУ научила меня готовиться к мероприятиям, которые предстоят, а не бросаться наобум, надеясь на удачу. Предположим, уложу я первого одним ударом, а за его спиной стоит на подстраховке второй с автоматом в руках. И побег завершен... А после первой попытки предпринять вторую намного сложнее, потому что присмотр за мной будет основательный.

Да и человек, открывший дверь, сам к проему не шагнул. Он даже с контейнера не спустился, не посчитал нужным.

– Лови, – сказал мне голос с кавказским акцентом. Но это был не Дауд. – Вас там семеро?

– Семеро.

– Семь бутылок. Каждому по одной.

– А почаще поить нельзя?

– Дауд не велел вас, уродов, баловать.

– Ни хрена себе, баловство...

– Семь бутылок. За сегодня, за то, что терпели, и до конца пути.

– А когда этот конец?

– Скоро. Для тебя это будет конец света, готовься.

– В подземелье, что ли, работать будем? – вяло спросил я, просто потому, что привык за собой последнее слово оставлять.

Ответа не последовало.

Я поставил пластиковый пакет у двери, которая тут же закрылась, взял одну бутылку и лег на свое место. Другие тут же ринулись к своим бутылкам.

– Рядовой! – услышал я голос Ананаса. – Принеси мне мою бутылку. И быстро, пацан!

– Тебе уже кто-то до меня ноги выдернул? – сделав несколько глотков, спокойно проговорил я. – С корнем или как? Если что-то осталось, могу и я продолжить.

В ответ послышалось собачье рычание.

Я не видел его. Предполагал только по голосу, что Ананас лежит от меня через человека, который за все время не произнес ни слова, хотя с час назад мне показалось, что он

тихо плакал и, кажется, молился. Я тоже ношу на себе православный крест, хотя ни одной молитвы не знаю наизусть и в церковь никогда не ходил, и всегда уважительно отношусь к людям, которые молятся. Тем более, молятся со слезами. Но мой сосед даже не пошевелился на агрессию, прозвучавшую в голосе Ананаса. А я сразу понял, что тот пытается превратить меня, в дополнение ко всему, еще и в своего раба.

– Или тебе уже пора просто голову оторвать? Выбирай... – неторопливо предложил я с вызывающей усмешкой. – Могу последовательно: ноги оторваны, за ними руки, потом уши с носом и напоследок всю голову. Только поторопись, пока у меня настроение хорошее. Под хорошее настроение меньше мучиться будешь.

Я не видел его рывок в мою сторону – в темноте я не научился видеть, как сова или хотя бы как летучая мышь, только услышал, как стремительно приближается его рычание, которое кого-то могло бы и напугать, но я почему-то совсем не испугался и без всяких раздумий, чисто рефлексивно резко выбросил вперед свою левую ударную руку. Бил не напрямую, чтобы не попасть в лоб и не разбить себе пальцы, а снизу. Классический и самый распространенный удар для боксера-левиши. Кажется, в темноте я угодил ему в скулу. И кулак себе все же чуть-чуть повредил. Но рычание резко прекратилось, словно он им захлебнулся, а мой сосед с трудом и кряхтением стал выбираться из-под упавшего на него тела. Ананас был в полной «отключке», и его пришлось сдвигать. Я не помогал соседу.

– Он давно уже на это напрашивался, – хрипло и слегка испуганно сказал кто-то у дальней от двери стены. – Ко всем придирался.

– Кто ищет, тот находит, – философски заметил я.

Видимо, ответить на придирки Ананаса пока было некому. Но таких следует всегда сразу осаживать, иначе обнаглеют.

В себя он пришел примерно через минуту или чуть меньше, стал что-то ворчать, но уже не рычал и ко мне не обращался. Таким образом, двойным рабом я не стал, чем был несказанно счастлив. Хотя половина счастья никогда не является настоящим счастьем, ведь я по-прежнему был рабом. Наверное, уже около суток, если не больше. Определенно больше, потому что в машину к Дауду я садился в середине дня, проспал, видимо, весь остаток того дня и следующую ночь, и провалялся целый день в контейнере-купе. И вот вторая ночь пошла...

Должно быть, после остановки в грузовике сменился водитель. Сидя в кузове, легко, как оказалось, это определить, почти так же легко, как в самой кабине, когда сидишь рядом с водителем. Если первый притормаживал перед ямами и колдобинами, то этот преодолевал их с разбега, принуждая тяжелый грузовик коротко и прицельно летать. Машина стонала, контейнеры задорно подпрыгивали, и нас всех подбрасывало, заставляя исполнять какую-то дикую пляску на пятой точке. Скрип металлических соединений и шум двигателя заменяли музыкальное сопровождение. Но такая трясучка в то же время радовала, по крайней мере меня, поскольку водитель откровенно торопился, и это быстрее приближало нас к завершению пути. Там, в конце пути, как я надеялся, нас ожидала хоть какая-то ясность. Пусть и самая незначительная, а может быть, и не самая приятная. Но неизвестность всегда более мучительна, чем сами муки. Это старая истина: не так страшно при падении с третьего этажа приземляться, как страшно падать, не так страшен бой, как ожидание боя...

Нас трясло, и мы ехали...

– Рядовой, ты спишь? – едва слышно спросил Ананас, надеясь, видимо, что я не отвечу, и тогда он сможет что-то против меня предпринять.

– Второй кулак для тебя готовлю.

Ананас ничего на это не ответил. Говоря честно, хорошо, что я за день выспался, и ночью меня в сон не клонило. Да и трудно уснуть при такой тряске. Но от Ананаса, как мне казалось, можно было ждать всякой гадости и подлости. Он только и ждал, когда я засну.

И, чтобы не заснуть, я просто сел. Сидя, когда некуда привалиться спиной, я спать не умею. Но сидеть мне пришлось недолго. Дорога стала ровнее, нас уже не так сильно подбрасывало, да и скорость грузовика значительно снизилась, судя по звуку двигателя. А потом мы и вовсе остановились. Теперь ожидание не затянулось. Контейнер с кузова снимали, как я понял по своим ощущениям, автокраном и, к чьему-то счастью, нашему или того, кто за нас деньги платил, даже ни разу не уронили. Но снимали сначала второй контейнер, стоящий ближе к заднему борту. Потом и до нашего добрались.

Хотелось сразу выйти и руки-ноги размять. Но после разгрузки пришлось почти час ждать, когда откроют двери. За это время мы услышали, как уехал грузовик. Какие-то люди перекликались на незнакомом языке. Я бы подумал, что они ругаются, но скорее они просто проявляли в разговоре темперамент, и не более.

Наконец сдвоенные контейнерные двери открыли нараспашку. И сразу ударили нам по глазам лучи сильных фонарей. За дверьми, в темном обширном дворе стояли с десяток крепких парней. Некоторые, как я с первого взгляда определил даже в сумерках, с оружием. Сумерками хорошо было бы воспользоваться для побега. Но нужно сначала определить общую обстановку. Впрочем, и сумерки-то здесь были ненастоящими, во дворе, со всех сторон от площадки, на которой выгрузили контейнеры, стояли фонари, и бежать бы пришлось из темноты на свет. Это не лучший вариант для побега, хотя я не мог предположить, есть ли там, на свету, другие люди с оружием или без него. Во всяком случае, прокол с побегом вполне мог бы случиться. Значит, не следовало торопиться и действовать наобум. Этому меня целый год упорно учили в армии. Но хорошее забывается быстро, как только наступает момент, когда некому тобой командовать. Остается только старые уроки вспоминать.

– Быстро! Построились...

Командовал парадом тот самый Дауд, который был за рулем машины в момент моего захвата. Термин «захват» я употреблял по армейской привычке. По большому счету, захват – это боевое действие, здесь же налицо было банальное похищение.

Мы построились. К Дауду откуда-то из темноты вдруг подошел майор полиции с автоматом под мышкой. Короткий ремень автомата был переброшен через плечо. Он что-то сказал ему, Дауд тут же дал команду, и нас погнали куда-то, причем погнали достаточно быстро. «Куда-то» оказалось двухэтажным подвалом под жилым домом. Причем нижний этаж, в комнаты которого нас рассовывали по три человека, не имел окон, поскольку находился достаточно глубоко под землей, но был оборудован лежанками в три этажа и столиком, привинченным к бетонному полу. Натуральная тюремная камера, какой я ее себе представлял. А вот в дверях окна были, через них в камеры проникал свет от слабых лампочек в длинном коридоре.

А я где-то слышал, что на Кавказе до сих пор в моде зинданы⁴ вместо тюремных камер...

⁴ **Зиндан** – узкая, глубокая яма, заменяющая у народов Кавказа и Средней Азии тюрьму. Имеет только один вход сверху. Через него обычно сверху спускается лестница. Выбраться из зиндана самостоятельно практически невозможно.

Глава первая

Говоря честно, я не очень высоко ставил охранников хозяина. Видел их уже много раз, парни крупные, сильные и рыхлые, как мой коллега по рабству Ананас. Сами они, перевернув в своей жизни кучу железа, считают, что и людей могут так же переворачивать, и сильно при этом ошибаются. Не в тяжелых мышцах счастье бойца, а в умении использовать свои мышцы, их динамику и обыкновенные законы механики, главный из которых – закон силы рычага – лежит в основе большинства навыков, ведущих к победе над физически гораздо более сильным противником и даже над несколькими противниками. Те же тяжелые мышцы сковывают тело человека и лишают его быстроты, они слишком медленно реагируют на команды мозга. Давно известно, что реакция мелкого насекомого быстрее реакции воробья, а реакция воробья быстрее реакции вороны, но все же реакция вороны быстрее реакции человека. Хотя я и отдаю себе отчет в том, что такое сравнение достаточно относительно, и вообще не бывает правил без исключений, тем не менее эта истина в большинстве случаев верна. И я брался доказать это.

«Кадиллак» въезжал во двор. За рулем, как обычно, сидел сам хозяин. Справа от ворот лежала целая куча бутового камня, которым должны были обкладывать фундамент и нулевой цикл строящегося дома. За кучей камней спрятаться можно, но что это мне дало бы? Где-то там, за моей спиной, уже вопила благим матом сестра хозяина. Я даже представил себе на бегу, как браво топорщатся при крике ее усы. Наверное, и сам хозяин, и его охрана сразу обратят внимание на этот крик. И другие люди из местных, что работают здесь же, сбегутся. А их тоже человек, кажется, шесть или семь, и они будут явно не на моей стороне, хотя к ним хозяин относится ненамного лучше, чем к рабам.

Решение созрело мгновенно. Другого пути развития событий я просто не видел. И, вместо того чтобы сбавить скорость и спрятаться за грудой камней, я свернул на выложенную тротуарной плиткой дорожку и прибавил скорости. Я много раз раньше видел, как хозяин заезжает в ворота. Он всегда газует. Любит человек въезжать в свой обширный двор резко. Так и сейчас получилось. Хозяин газанул, «Кадиллак» влетел во двор, а я бежал ему навстречу. Времени у хозяина, чтобы остановить машину, уже не было. Он успел только коснуться ногой педали тормоза, даже слегка надавил на нее, что привело только к желаемому для меня результату – сам хозяин ткнулся носом в руль, и точно так же ощутили резкое торможение охранники, один на переднем сиденье, второй на заднем. То есть им было совсем не до бегущего навстречу летящей машине человека. Ни охранники, ни уж тем более Ананас не смогли бы сделать то, что сделал я. А я сделал. Потому что у меня мышцы не были забиты железом, я был быстр, легок и скоординирован.

Надо сказать, я всегда с трепетным уважением относился к хорошим машинам. С большим уважением, чем к их обладателям. Хотя и свою собственную, старенькую и многократно побитую до того, как она ко мне попала, «девятку» я уважал, кстати, не меньше. Но посидеть за рулем «Кадиллака», конечно же, хотел. Ну, если уж не за рулем, то на капоте, что мне и удалось в полной мере. Я сел на него и успел растопырить ноги. К моему счастью, мои камуфляжные штаны и плотный рабочий фартук оказались крепкими, и осколки стекла ничего мне не ампутировали, хотя, конечно, сидеть и лежать на спине еще несколько дней будет проблематично. Но зато я удачно справился с главной задачей. Обе мои растопыренные ноги угодили в цель точно так, как я хотел. Каблуки удалили хозяина и охранника с переднего сиденья, отбросив их на спинки сидений и дополнительно ударив о подголовники. А я, подогнув колени, влетел в салон машины, все же порезав лицо стеклом, задел при перевороте и, кажется, разбил затылком плафон внутреннего освещения и упал прямо на второго охранника, ударив его в лицо лбом.

Охранники были слишком накаченные, чтобы быстро соображать и так же быстро действовать. Сообразить-то они, может быть, и сообразили, но вот сигналы мозга дошли до утяжеленных мышц слишком поздно. Я действовал быстрее и, пока второй охранник не очухался после моего удара, вытащил у него из подмышечной кобуры пистолет, даже затвор успел пере-дернуть, чтобы дослать патрон в патронник, и выстрелил ему в шею.

Честно говоря, я думал, что пистолет у охранника травматический. Но пуля травматического пистолета осталась бы в горле, а эта прошла шею навывлет. Тем лучше. Я развернулся и, еще не все видя, ударил наотмашь второго охранника пистолетом по голове. Здесь ошибиться и промахнуться было сложно. Если бы не попал пистолетом, попал бы предплечьем, что тоже не очень приятно, потому что этот удар-отмах у меня отработан на боксерском мешке до предельной резкости. Но я удачно попал именно рукояткой пистолета, который в моей руке снова выстрелил, продырявив крышу автомобиля. А следующий выстрел был уже прицельным. И тоже в шею охраннику. Но оставался еще хозяин, который по весу равнялся, по моим прикидкам, двум качкам-охранникам. Правда, по качеству мышц, заплывших жиром, он уступал даже им. Хозяин вывалился из машины, двигатель которой уже заглох, и я, недолго думая, наставил на него пистолет:

– Живо, поработай, свинья жирная! Вытаскивай своих парней и садись со мной рядом.

Хозяин бегом обежал капот, не отрывая взгляда от провожающего его ствола пистолета, и не просто вытащил тела охранников, а выбросил их с силой и без всякого стеснения. Потом полой яркой рубашки, изображающей целую стаю жар-птиц, вытер пот с лица и сел на переднее пассажирское сиденье. Даже плюхнулся, а не сел. Я перебросил пистолет в левую руку.

– Много у тебя рабов?

Хозяин что-то пробормотал на своем языке. Я понял из сказанного даже меньше, чем он желал мне сообщить.

– По-русски отвечай!

Он продолжал говорить по-своему, шлепая мокрыми дрожащими губами. Понятно, перепуган до смерти. Ему есть что терять, а терять он не привык, привык все под себя, под свой объемный живот подгребать. Но это вовсе не причина для того, чтобы забыть русский язык, которым он наверняка владеет. Не может он им не владеть.

– Мне от твоей болтовни толку мало. Ты мне нужен только в том случае, если будешь говорить то, что мне нужно.

Хозяин замолчал и согласно закивал отвислым тройным подбородком.

– Повторяю вопрос. Сколько у тебя рабов?

– Только твоя бригада. Больше нет. Я впервые, я впервые взял...

Русским он владел намного лучше своей сестры и говорил почти без акцента. Если бы не дрожащие губы, вообще все было бы понятно без вслушивания в слова. А так приходилось вслушиваться.

– Где живет Дауд?

– Я не знаю...

– А где ты нас покупал? Забыл?

– Это не его дом. Он в Москве живет.

– Фамилия Дауда!

– Магометов. Дауд Магометов.

Со стороны стройки к машине бежала, распушив усы, хозяйская сестра. За ней, зажимая рукой выбитый глаз, спотыкался Амир. А дальше, слегка отстав, к машине спешила моя команда бомжей. Я хотел, было, спросить у хозяина, где мы сейчас находимся, но вовремя увидел включенный в машине навигатор и, сообразив, что смогу обойтись без вопроса, крикнул ему:

– Пошел вон! От тебя воняет...

От него в самом деле воняло сильнее, чем от моих бомжей. Он обгадился с перепугу по полной программе. Хозяин из машины не вышел, а вывалился на бок и уполз куда-то, стараясь как можно быстрее исчезнуть из поля зрения моего пистолета. Я посчитал его перепуганным окончательно, и потому не опасался схлопотать с этой стороны какую-нибудь гадость.

С левой руки я стрелял, честно скажу, всегда скверно, я привык прицеливаться с помощью правого глаза. Потому перебросил пистолет в правую руку, для твердости зажал ее левой и выстрелил в бегущего Амира. Амир и без того не очень спешил. По крайней мере, совершенно не спортивную сестру хозяина он обогнать даже не пытался. А когда пуля просвистела рядом с ним, он вообще упал в землю единственным оставшимся глазом и двумя руками прикрыл голову. Одновременно кончился запал у усатой толстушки. Запал вместе с дыханием. Она упала на колени, не в силах двигаться дальше. Но мои изможденные старички-бомжи и Ананас ходу только прибавили, он даже толстушке то ли на щеку, то ли на ус наступил. Она завизжала по-пороссячи, но подняться не смогла, хотя пыталась Ананаса ухватить за ногу рукой. Наблюдая все это, я совершенно забыл про хозяина. И, как оказалось, напрасно. Выстрел прогремел с близкого расстояния. Но, видимо, он не спешил убить меня. Пуля пролетела рядом с моей головой, хотя с такой дистанции промахнуться невозможно даже вдрызг пьяному человеку.

– Бросай пистолет, выходи из машины...

Я посмотрел через плечо. Обгадившаяся жар-птица целилась мне в голову через распахнутую заднюю дверцу машины. Я не подумал, что он может взять пистолет первого охранника. Это было моей ошибкой. Но я умею себя вести под пулями и под чужим стволом. Уже испытывал это ощущение, поэтому не сильно испугался. Бросил пистолет на переднее пассажирское сиденье и спокойно вышел из машины. Хозяин обежал вокруг капота и подставил ствол к моему животу, второй рукой обыскивая меня на предмет ношения другого оружия.

Наивный. Впрочем, наивность тут ни при чем. Просто он тоже не знал, что имеет дело с отставным солдатом спецназа ГРУ. А я хорошо знаю, что если пистолет или нож приставят к твоему телу, то следует в первую очередь развернуть корпус так, чтобы убрать его с линии возможного полета пули или давления острия ножа, и одновременно с этим правой рукой прижать запястье противника к своему животу. Давление на кисть, взятую на излом, осуществляется одновременно рукой и животом, а пистолет, как и нож, исполняет роль помогающего рычага. Пистолет в этом случае обязан упасть мне в левую руку. Что он с удовольствием и сделал. И я тут же пустил пулю в толстый живот хозяина.

Визг его ползущей сестры, казалось, был громче самого выстрела. Хозяин согнулся и упал на колени, одной рукой цепляясь за капот машины. Я хотел дать пинка по толстой физиономии, чтобы чуть-чуть добавить ей оттенков, но в это время раздалась автоматная очередь. Стреляли издалека, но прицельно, и пули пробили крышу и дверцу машины. Должно быть, автоматчик сидел на одном из верхних этажей старого дома, расположенного на соседнем участке. Я бы с такой дистанции не промахнулся бы из автомата. А он промахнулся. Да и очередь его была слишком длинной, чтобы оценить ее как приличную. Но автоматная стрельба меня подтолкнула к действию. Я осмотрелся, вытащил из кармана хозяина ключи от машины, потому что еще раньше заметил, что она заводится без ключей кнопкой. Но ключи для этого должны находиться в пределах двух метров от замка зажигания. То есть в моем кармане, куда я их сразу и сунул.

Заскочив в машину, я не стал повторять маневр хозяина, хотя был уверен, что он не в состоянии будет запрыгнуть на капот. Тем не менее сначала сдал назад, удостоившись за это еще одной автоматной очереди в многострадальный корпус автомобиля, а потом рванул вперед, перескочил через бордюр, расколов на множественные осколки передний свес, и быстро оказался рядом со своими бомжами. Машина была заднеприводная, поэтому мне легко удался маневр с разворотом на месте, когда совершается одновременное нажатие и на тормоз, и на акселератор. Бомжи заскочили в машину, а я вовремя «газанул». Вовремя потому, что следу-

ющая автоматная очередь выбила пыль из тротуарной плитки там, где только что разворачивалась машина.

За рулем я чувствовал себя неплохо. Хотя никогда таким транспортным средством не пользовался, однако был уверен, что если кто-то попытается меня догнать, то я объясню популярно, как можно ездить, если совсем не жалеть машину. А что мне было жалеть ее, с какой такой стати?

Мне даже захотелось, чтобы кто-то за мной погнался. Только гнаться, кажется, было некому. Неизвестный мне стрелок-автоматчик, вероятно, не имел под рукой транспорта. Сестру хозяина можно только на танке возить. Амир ездит на старой «Волге», но она не в состоянии создать конкуренцию «Кадиллаку».

Тем не менее я гнал по дороге так, что из машины вылетали остатки разбитых стекол. И даже ветер, бьющий в глаза, мне не мешал, потому что это был ветер свободы, и он заставлял меня только жмуриться...

Сначала я оказался в одной камере вместе с дядей Васей и Ананасом. Камеры мы не выбирали по своему усмотрению, как и сокамерников. Нарушение, конечно, прав человека, и даже очевидное и вопиющее, но здесь на подобные мелочи не обращали внимания. Говоря честно, с Ананасом я меньше всего желал бы жить в одной камере, но право выбора мне никто, к сожалению, не предоставил. Как я понимаю, просто забыли о такой мелочи. Под светом тусклой коридорной лампочки еще по дороге к камере я увидел, что у Ананаса посинела и распухла правая скула. Мой кулак – высокохудожественная работа! – приложился к ней вполне конкретно. После такого удара, насколько я могу догадаться, обычно бывает сильная головная боль. Может быть, это и останавливало Ананаса от дальнейшего обострения отношений со мной. Старая истина – тупые головы просвещает только крепкий кулак. Но пройдет головная боль, а это может наступить через пару дней, и Ананас, я просто уверен, снова будет стремиться к получению боли, пока не схлопочет искомое в избытке. Однако в следующий раз, и это вопрос принципиальный, вопрос моей безопасности, я заставлю боль держаться дольше. Очень долго, насколько я знаю, мешает радоваться жизни перелом ребра. Я же ему, от всей широты своей души, сразу несколько сломаю, как только он ко мне спящему подкрадется. Пусть тогда одной работе радуется, если радоваться жизни не захотел. Но Ананасом зовут не меня, и потому я сам не намеревался сразу затевать боевые действия. Если ему нравится быть битым, он будет бит, но для этого пусть сам на скандал нарывается. Я человек неагрессивный, хотя и предпочитаю бить первым – это тоже вопрос личной безопасности.

Дауд, которого я считал организатором нашего похищения, и, следовательно, готов был при случае, который обязательно постараюсь найти, предъявить ему претензии, продал нас уже на следующий же день, не удостоив счастья поработать на него самого, и, таким образом, как классический аутентичный негодяй, попытался исчезнуть из моего мстительного поля зрения. И вообще, как я понял по суете и настороженным взглядам ментовского майора с автоматом, Дауда с какой-то стороны начали поджимать, и он стремился от нас быстрее избавиться. Его торопливость вовсе не говорила, что я не собираюсь предъявить ему счет, но рассчитываю это сделать не сразу. Помощники Дауда вывели всех в тот же двор, только уже на свету, когда нас можно было осмотреть и оценить во всей красе. Оценивать было что. Я один оказался уродом, не имеющим синего негритянского отлива в лице. Во втором контейнере, как я и предполагал, тоже были люди. Всего продавали шестнадцать рабов, но я не знал, все ли они ехали вместе с нами. Кто-то мог дожидаться открытия «магазина» и в подвалах дома. Но лица у всех были схожи. Видимо, от употребления однотипных напитков. Такие лица можно в любом городе наблюдать, и все они одно на другое похожи.

Во двор зашли какие-то новые люди. Они не были в камуфляжной форме, тем не менее, по-русски не разговаривали. Принципиально, как я понял. По-русски они только матерились,

но матерились часто. Дауд к ним относился уважительно. Эти-то люди и подбирали себе рабов для исполнения любых работ и прихотей. Натуральный невольничий супермаркет, а не двор жилого коттеджа. Хотя, может быть, и даже скорее всего супермаркет нелицензированный. И я тоже стал предметом купли-продажи, вместе с другими моими собратьями по несчастью. Не очень приятно, но изначально бьет это только по гордости, а не по организму, и потому перетерпеть подобное было можно.

Покупатели рабов почему-то разговаривали с нами через переводчика, роль которого взял на себя Дауд. Не верилось, что эти взрослые мужики, которым уже за тридцать, живя в России, не знают русского языка. Но им нравилось, видимо, это показывать, они так свою национальную значимость лучшие ощущали. По крайней мере, мне именно так показалось. Их, в первую очередь, интересовали те, кто работал на стройке. Выяснилось, что Ананас работал когда-то в молодости водителем автокрана именно на стройучастке в каком-то колхозе и потому строительное дело немного знает. Он сказал, что однажды, когда кран в ремонте был, его на два месяца в бригаду каменщиков поставили. Автокран ему, правда, во временное пользование и здесь не пообещали, но из нашего хилого и неровного строя сразу вывели и поставили в другом конце двора. После короткого разговора, видимо, как сокамерников Ананаса, туда же переставили и меня с дядей Васей, хотя лично мне дядя Вася казался малопригодным человеком для любой работы. И возраст, и фигура не говорили о крепком здоровье. Потом, подумав, туда же задвинули еще и старичка, что плакал и молился в контейнере. Внешне и от этого старичка толку никакого не было никому, кроме могильных червей, но его, кажется, отдавали чуть ли не бесплатно, вернее, в придачу к дяде Васе, потому новый хозяин и согласился. Кроме того, старик, как и дядя Вася, был очень худ, а новый хозяин непомерно толст, и посчитал, должно быть, что старики несильно его объедят.

Деньги перешли из рук толстяка в руки Дауда.

Дальше события развивались быстро. Нас четверых посадили в грузопассажирскую «Газель», но посадили не на заднее сиденье, где мы вполне могли бы и вчетвером поместиться, потому что плаксивый старик с дядей Васей по худобе своей занимали бы только одно место из трех, имеющихся в наличии, а в грузовой отсек. Но там, в отличие от контейнера, хотя бы ящики какие-то тяжелые и неподпрыгивающие стояли, и мешки с цементом лежали, так что можно было присесть. Плохо, что не было видно, куда нас везут, – грузовой отсек не имеет окон, а везли долго. Время ощущать я умею даже без часов. И я определил наш тряский путь в два с небольшим часа. Наконец «Газель» остановилась. Ее металлический кузов к тому времени успел основательно нагреться, и дышать внутри было нечем. Тем не менее нас не спешили выпустить, хотя всем должно было быть понятно, что находимся мы в газовой камере.

Я догадался правильно. Нас не выпускали, пока не придет наш новый рабовладелец, а он ехал на своем седане «Кадиллак» не спеша, дорога была неважной. «Газель» еще справлялась с ней, а «Кадиллаку» с его низкими свесами спереди и сзади было трудно проехать, не цепляясь за почву.

Ананас не выдержал первым и постучал. Но стучал осторожно, словно с извинениями, только чтобы напомнить о себе, опасаясь, что про нас попросту забыли. Никто на подобное напоминание не отреагировал. Тем не менее минут через пятнадцать кузов открыли. Увидев недалеко «Кадиллак», я постарался вывалиться из кузова первым. И первым оказался перед необхватной женщиной, уткнувшей в заплывшие жиром бока тяжелые кулаки. Женщина пошевелила усами, оглядела каждого из нас сверху вниз, потом снизу вверх и фыркнула с явным неодобрением. Наша команда не произвела на нее впечатления. На меня она впечатления тоже произвела бы мало. Хотя я никогда не имел склонности к работорговле.

Я, грешным делом, подумал было, что это жена нашего новоиспеченного хозяина. И только потом из разговоров с другими работниками узнал, что это его сестра. Хозяина же

пока видно не было. Но к нам подскочил какой-то волосатый человек, влоборота стоя к усатой женищине, выслушал ее приказ и, плохо выговаривая русские слова, толчками погнал нас к одноэтажному кирпичному зданию. Здание было новое, аккуратно выложенное красным кирпичом и не походило на тюрьму. Тем не менее двери там были металлические, а на единственном окне висела массивная металлическая решетка. У окна за стареньким письменным столом сидел какой-то человек и рассматривал чертежи. Я успел только мельком увидеть, что это, видимо, проект стройки. Но читать чертежи и проекты я как чистый гуманитарий по образованию не умел, поэтому не заинтересовался.

– Пополнение? – спросил человек.

Он был явно не дагестанец, но по-русски разговаривал с каким-то странным акцентом, который я не смог разобрать. По крайней мере, не уральский, не сибирский и не акцент из средней полосы России. Но что-то южное в его словах слышалось отчетливо.

– Пополнение, – за всех ответил дядя Вася.

Я уже понял, что дядя Вася – человек авторитетный и к его слову прислушиваются и наши престарелый спутник, и даже Ананас, который всегда хотел казаться грозным или попросту опасным. Правда, не могу точно сказать, для кого он должен был представлять опасность. Придаться к дяде Васе он, кажется, не решился, богомольный старик вообще был словно бы не от мира сего и не реагировал ни на кого, а я Ананаса уже поставил на место. Тем не менее всю дорогу в «Газели» Ананас бил себя кулаком в ладонь, словно бы показывая, как он может любого стукнуть. Не знаю, как другим, но мне лично это было смешно. Наверное, потому еще, что я хорошо помню обязательное правило: если думаешь кого-то ударить, постарайся, чтобы противник узнал об этом только в сам момент удара.

– Бум знакомиться, – выпрямился человек над чертежами. – Я ваш новый начальник и буду вами командовать. Зовут меня Анастас.

– А меня – Ананас. Почти тезки. – Недавний подопечный моего кулака хотел и здесь показать себя, хотя и непонятно, с какой стороны, но наткнулся на жесткий взгляд нового начальника и шагнул за спину дяди Васи...

Вот так я и попал на новую работу. Не сказать, что работа слишком скверная, ее можно было бы терпеть, будь рабочий день покороче и кормежка получше.

Поскольку меня сочли каменщиком слишком низкой квалификации, видимо, благодаря моему цветущему возрасту, который работаровцам и рабовладельцам казался недостаточным для серьезного рабочего, мне доверили только мешать и подносить раствор для каменщиков, то есть заменили мной обыкновенную электрическую бетономешалку. Бетономешалка слишком много электричества, я слышал, жрет. Хотя, может быть, квалификация здесь у всех была одинаковая – никакая, но, чтобы мешать раствор, здоровья требовалось гораздо больше, чем, например, каменнику. А я физически выглядел, кажется, неплохо. Даже в сравнении с мощным Ананасом. Но он был именно мощным, даже слегка рыхлым, а я был не только мощным, но еще и жилистым, и без одежды выглядел более сильным. Сказывались девять лет тренировок до армии и один год в армии. Обычно такая жилистость ценится в трудовых делах и дает больше шансов в стремлении к трудовому подвигу. Беда лишь в том, что ни я и ни кто другой из нашей бригады к трудовым подвигам не стремился. А о боевых подвигах понятие имел я один, хотя и не афишировал это. Моя сумка, в которой хранились две медали, куда-то исчезла. Предполагаю, что исчезла она вместе с цыганами. Но я и не вспоминал про нее, поскольку ценного, кроме медалей, там ничего не было. А медали отмечают только то, что я и сам знаю...

Глава вторая

Мне думалось, что за рулем такой машины меня поймать просто невозможно. И, скорее всего, был прав. Благодаря своей спортивной реакции и курсу экстремального вождения, пройденному в армии, я в самом деле неплохо водил машину. Автоматные очереди вреда двигателю и каким-то серьезным системам «Кадилака» не нанесли, а неудобство езды без лобового стекла вполне могу перенести. В скорости передвижения я видел свою силу и наше общее спасение.

– Куда едем? – спросил Ананас с заднего сиденья.

– Куда глаза глядят. Подальше... – ответил за меня дядя Вася, сидевший на переднем пассажирском сиденье. – Согласен со мной, тезка?

– Согласен, – ответил богомольный старик.

– А ты, оказывается, здорово бегаешь. Я думал, мне придется тебя тащить, а ты быстрее меня до машины добрался. Что ты там шептал на бегу? Я не разобрал.

– Только одно повторял: «Господи, помилуй!»

– Помиловал?

– Не просто помиловал, но и помог.

– Удивил ты меня, Василий, – сказал и Ананас. – Вообще, думал, ты бегать не умеешь, разве что от ментов. А ты и меня обогнал.

Так я узнал, как зовут нашего старика.

Вскоре на нашем горизонте все же появились те, кто желал бы со мной потягаться в водительском мастерстве. Их стремление познакомиться было подкреплено парой автоматных стволов. Причем автоматчики вышли на дорогу заранее, до того как сумели рассмотреть машину, из чего я сделал вывод, что кто-то в доме рабовладельцев позвонил знакомым ментам и те пытаются нас тормознуть. Что это не пост ДПС, догадаться было нетрудно, машины ДПС имеют соответствующие крупные надписи. Кроме того, сотрудники дорожной полиции ходят обычно в сигнальных жилетах, а мент, который жезлом приказывал нам прижаться к обочине и остановиться, к ДПС никакого отношения не имел. Автоматчики встали по обе стороны дороги.

– Не останавливайся! – дядя Вася тоже распознал ловушку. – У них все местные менты куплены. Эти специально по наши души здесь встали.

– Отстреливаться надо, – сказал Ананас, и я увидел в его руке пистолет, который я под направленным на меня толстым хозяином стволом бросил на переднее сиденье. Значит, успел ухватить.

Я передал свой пистолет дяде Васе, а сам включил сигнал поворота и начал притормаживать. Машина вела себя послушно. Но глупо повели себя автоматчики. Они не стали ждать, а сразу, как увидели мое желание остановиться, двинулись к нам.

– Ваши правые, мой – левый, – скомандовал я. – Не бойтесь с ментами схлестнуться?

– Всю жизнь только этим и занимаемся, – усмехнулся Ананас.

Автоматическая коробка передач позволила мне остановиться, даже не переключаясь в режим «парковки» или «нейтралки», просто прижал посильнее тормоз. А это означало, что с положения селектора «драйв» я смогу резко сорваться с места одним только нажатием на педаль акселератора.

– Посмотрим, может, они лояльные, – предположил я, потому что вступать в столкновение с полицией как-то изначально не входило в мои планы, как не входило и желание контактировать с ними на предмет оказания нам помощи.

– Не верь чужим речам, а верь своим глазам, – пословицей ответил старик Василий. – А глаза говорят, что они специально ради нас вышли на дорогу. Здесь не горный район, где все машины проверяют.

– Может быть, – почти согласился я, хотя знал, что проверки осуществляются не только в горных районах, сам в таких проверках принимал участие.

Менты подходить не торопились. Сначала с нескольких шагов рассматривали машину. Не нас, а именно машину, которую, как я предположил, они хорошо знали. Интересы к нам они пока не демонстрировали, только головами покачивали, перебрасываясь друг с другом отдельными короткими фразами на своем языке. Можно было подумать, что это случайная проверка. Обычно при случайной проверке просят выйти из машины. Но я хорошо помнил слова нашего заместителя командира батальона по воспитательной работе – майора Коновалова, что русские в подобной ситуации примут сторону правого, а кавказцы примут сторону кавказца, поэтому надежды на местных ментов у меня не было никакой. Как, впрочем, и у моих спутников. Тем более автоматчики, не акцентируя на нас внимания, все же не отводили от машины стволы своих «тупорылых»⁵ автоматов. Это мне сразу не понравилось. Скорее всего они ждали команды.

– Готовься! – скомандовал я. – Стрелять по первому подозрительному движению.

Подозрительное движение не заставило себя ждать.

Мент с жезлом, видимо, старший в этой группе, зашел со стороны моей дверцы и вдруг резко рывкнул:

– Выходи из машины, руки за голову!

К этому моменту диспозиция была такая: мент с жезлом стоял против моей дверцы метрах в трех. Один из автоматчиков стоял справа от «Кадиллака» примерно у середины кузова, чтобы контролировать и передние, и задние сиденья. Дистанция была тоже около трех метров. Чуть дальше и впереди, почти посередине дороги, встал второй автоматчик.

Дядя Вася и Ананас выстрелили одновременно. Ананас в автоматчика, дядя Вася в мента с жезлом. Пуля дяди Васи пролетела у меня под носом, чуть не задев, но выстрел оказался точным. Пуля попала менту в голову. Не рассматривая, насколько удачным был выстрел Ананаса, я убрал ногу с тормоза и надавил на акселератор. Колеса даже пробуксовали на старом асфальте, но быстро сцепились с ним, и мент впереди не успел ни выстрелить, ни отскочить. От удара об капот он вылетел на противоположную полосу движения. Автомат остался валяться на дороге. Я затормозил, чтобы поднять его, и только тогда посмотрел за свою спину. Ананас стрелял своему автоматчику прямо в грудь. Пуля ударила в бронежилет мощно, но, конечно, не пробила его. Автоматчик встал на четвереньки, повернувшись к нам увесистым задом, в который я тут же дал очередь. И не поленился за вторым автоматом сбегать. На ногу я всегда был легок и уже через несколько секунд вернулся за руль «Кадиллака».

– Нормально отработали, – заметил дядя Вася.

– Что же здесь нормального? Если раньше мы могли на помощь закона надеяться, то теперь со всех сторон гонимы будем.

– И что нам остается? – спросил старик Василий, тоже не разделяющий мнения дяди Васи.

– Нам остается прорываться туда, где можно на нее надеяться.

– Это куда? – усмехнулся Ананас. – Я в нашей стране помощи ниоткуда не жду.

– А в какой стране ты ее ждешь? – спросил старик Василий.

⁵ «Тупорылый» автомат – автомат «АКСУ-74» («АКС-74У») с укороченным в два раза стволом и раструбом. Имеет также укороченную раму и укороченный поршень. Создан специально компактным для использования в подразделениях МВД, для экипажей боевых машин, авиатехники, расчетов орудий, а также десантников.

Ананас не ответил. А мне стало не до разговоров, потому что дорога на этом участке была разбита до безобразия, а я снова «погнал», и следовало соблюдать внимательность. На одной реакции на такой дороге не удержишься...

– Ошибок мы допустили кучу, – сказал дядя Вася, когда дорога стала получше и я повел машину более ровно. Он размышлял спокойно, как мудрый руководитель.

– Когда действия спонтанные, ошибок не избежать, – сказал я. – Но лучше их анализировать, чтобы не допускать в дальнейшем.

– Соглашусь... – Дядя Вася потер стволем пистолета свой нос.

– Пистолет на предохранитель поставь, – подсказал я. – В противном случае это будет нашей главной ошибкой.

Дядя Вася ошибку признал и тут же большим пальцем поднял предохранитель в верхнее положение. Когда человек признает не только чужие, но и свои ошибки, с ним можно плодотворно работать. Под плодотворной работой я понимаю взаимовыгодность действий.

– А теперь к общим ошибкам перейдем, – предложил я.

– Главная ошибка, что начали мы без подготовки, спонтанно. – Я уже давно понял, что дядя Вася не просто бомж, а бомж с каким-то богатым прошлым. По крайней мере, он и говорит грамотно, и английский понимает. – А подобное мероприятие должно начинаться после серьезной подготовки и иметь хоть какое-то обоснование.

– Я не планировал организовывать общий побег, – честно ответил я. – У меня возникла конфликтная ситуация, выходом из которой был только побег. И я решил бежать.

– Действовал ты красиво, – усмехнулся Ананас. – Я еще там, в контейнере, когда ты мне въехал кулачком, понял, что ты не просто рядовой...

– Я просто рядовой, – твердо сказал я. – Вернее, уже уволенный в запас рядовой.

– В этом никто и не сомневается, – качнул головой дядя Вася. – Вопрос в том, рядовой каких войск.

– Спецназ ГРУ. Военная разведка.

– Понятно. Диверсант.

– Да. Кроме того, мастер спорта по боксу в среднем весе. Тоже порой слегка выручает. Потому и был уверен, что смогу убежать. Меня мама дома ждет, не хочу ее расстраивать.

– А зачем нас с собой взял? – спросил старик Василий.

– А как не взять! Вижу, вы ко мне бегом несетесь. Не бросать же...

– Спасибо, – произнес старик, как мне показалось, непривычное для него слово. Он тоже, скорее всего, не так прост, как кажется. Да и у каждого из бомжей есть свое прошлое, в разной степени интересное для посторонних. По крайней мере, сам дядя Вася к тезке относится с уважением. Я уже заметил.

– Но, если ты спецназовец, вдвойне непростительны ошибки, которые ты допустил, – заметил дядя Вася. – Разбор полетов проводить будем? Или ты самовлюбленный тип, который критики не терпит? Ты скажи, я могу со своим понятием и не соваться в твои пассионарные дела, в них я разбираюсь исключительно за счет логического мышления.

– Ну, и умный же ты, дядя Вася! – воскликнул Ананас. – Я из твоей пламенной речи только отдельные слова понял.

– А моя пламенная речь обращена не к тебе. С тобой я попроще разговаривать буду, и все поймешь. Договорились?

– Хоп.

– Ну что, рядовой Саня, готов выслушать меня или нет желания? Если что, я в претензии не буду. Я необидчивый, потому что меня по жизни много обижали, и обижаться устал еще много лет назад. Еще при советской власти.

– Я слушаю...

Вообще-то я не ожидал услышать ничего толкового, но, несмотря на уверения в его собственной необидчивости, не хотелось обижать дядю Васю. *Opinion on the part can always be true*⁶.

– Во шпрехают... – то ли восхитился, то ли возмутился Ананас. – Ни хрена не понимаю, как та тетка усатая...

– И не надо, – ответил дядя Вася. – К тебе обратятся с другими словами. А пока, рядовой Саня, я тебе скажу, что ты сразу повел себя неправильно. Я понимаю, что такое вспылить, взорваться. И если уж начал, то продолжать следовало. Это естественно. Здесь все нормально. Первая твоя ошибка была допущена, когда ты позволил хозяину пистолет добыть. Я, когда бежал, видел, как он его вытаскивает, кричал тебе, но ты не слышал. Правда, потом ты сам ситуацию и исправил.

– Признаю, – кивнул я, не отрывая взгляда от дороги. – А вторая ошибка?

– Как солдат, тем более как солдат спецназа ГРУ, ты, рядовой Саня, обязан знать значение связи при ведении любых боевых операций. А нашу операцию ты должен считать боевой.

– Трудно не согласиться. Связь нужна, – снова согласился я.

– Когда ты обыскивал карманы хозяина в поисках ключей, ты обязан был забрать себе его трубку.

Я вдруг вспомнил, что трубка мне в руки не попала, хотя я прохлопал хозяина по всем карманам и ключи нашел только в последнем. Но не может такой состоятельный человек, человек деловой, судя по всему, бизнесмен, обходиться в современном мире без трубки. Однако я трубку не нашел. Что это значило? Я быстро сориентировался и понял, что это могло значить. Между сиденьями переднего ряда, сразу позади глубоких подстаканников, находился большой бокс, прикрытый обитой кожей крышкой. У нашего комбата в автомобиле трубка убиралась именно туда, вставлялась в специальное гнездо-держатель и автоматически подсоединялась к громкой связи и к монитору мультимедийной системы. Я тут же, не глядя, нашел, как открывается эта крышка, поднял ее, вытащил трубку и передал дяде Васе.

– С ошибкой согласен наполовину. Про трубку я не вспомнил, это да. Но там ведь ситуация была слишком острая и думалось о другом. Тут еще и этот автоматчик появился... Если бы трубка была у хозяина, я нашел бы ее и забрал. Но ее там не было. Значит, она лежала здесь. Проверьте, сколько денег на счету, и можете звонить куда угодно.

– Я не умею такими пользоваться, – сказал дядя Вася и вернул мне трубку. – Там сенсорное управление. Сам работай.

Я, так же не глядя, вставил трубку в прежнее гнездо в подлокотнике. Это было несложно сделать даже вслепую, поскольку взгляда от дороги при той высокой скорости, на которой я ехал, лучше было не отрывать. Дорога опять стала никудышной, и я уже почувствовал, что раздолбал «Кадилаку» всю подвеску. Теперь каждая неровность дороги отвечала пробоем в корпус. Должно быть, разлетелись амортизаторы.

– Когда остановимся, я попробую кое с кем поговорить.

– Тогда перейдем к следующей ошибке. Она, на мой взгляд, существенна. Нам необходимо было захватить кого-то с собой. Или хотя бы допросить на месте, чтобы узнать элементарное – свое местонахождение.

Не думая долго, я протянул руку и нажал кнопку «NAVI» на передней панели. На мониторе тотчас высветилась карта с короткой стрелкой на дороге.

– Зачем? Допрос под обстрелом чреват последствиями. Не всегда автоматчики стреляют мимо, иногда и в людей попадают. Стрелка на дороге – это мы. Навигационная система работает исправно и покажет, куда нам ехать, где мы находимся, рассчитает любой маршрут, который мы потребуем.

⁶ *Opinion on the part can always be true* (англ.) – мнение со стороны всегда может оказаться верным.

Дядя Вася покачал головой и вынужден был признать:

– Далеко техника шагнула с тех пор, как я от людей ушел. У меня, в общем-то, все. Куда мы сейчас едем?

– Пока прямо. Дорога ведет в Каспийск, хотя до него еще далеко. Но я предполагаю, что машину нам следует бросить до того, как нас обнаружат. Иначе придется от погони уходить, а это не слишком приятно.

– Я, видимо, плохо владею современной обстановкой, – сказал дядя Вася. – Решай сам, как нам поступать.

А я вдруг почувствовал, что не могу, как раньше, называть его на «ты».

– Дядя Вася, вопрос разрешите?

– Валяй!

– До того как... До того как стать бомжом, вы чем занимались?

Он хмыкнул, цыкнул и задумался. Но потом все же ответил:

– До этого я был полковником ПГУ⁷ КГБ СССР. Знаешь, что это такое?

– Знаю.

– Хочешь спросить, как я бомжом стал? Вижу, спросить хочешь, но такт проявляешь.

– Как?

– После путча. Я был его активным участником, не по приказу, а по совести. Я понимал, в какую пропасть толкает страну Горбачев, и понимал, что представляет собой Ельцин, который тогда рвался к власти. Я любил свою страну и желал ей добра. Но большинство моих соотечественников хотело перемен. И получило их. А меня после провала путча отовсюду прогнали, лишили звания. Спасибо за то, что не посадили, хотя в Лефортове продержали три месяца. И сделали бомжом, о чем я сейчас, в определенном настроении находясь, ничуть не жалею. Только вот рабство мне не нравится.

– Ну, ты, дядя Вася, даешь... – протянул Ананас. – Мне говорили, что ты из военных, но я не верил. Думал, какой военный станет нашу жизнь терпеть?

– А многим ли она хуже той, другой жизни, которой живет наш, к примеру, сегодняшний хозяин? Или другие, подобные ему. Чем они лучше? Чем их дворцы и квартиры лучше подвалов? Обилием вещей и чистой одеждой? А зачем мне все это?

– Человек родится ни с чем и ничего не может с собой забрать после смерти, – изрек старик Василий, поддерживая мысль дяди Васи. – Ни полный денег сейф, ни машину, ни дом, ни даже жену или любовницу. И потому большой грех – стремиться к накопительству...

– Внимание. Предлагаю решить вопрос общим голосованием, – заявил я. – Впереди у нас большой поселок. На въезде, как говорит навигатор, пост ДПС. Нас не просто могут тормознуть, а обязательно тормознут из-за внешнего вида нашей машины. Никого, надеюсь, ветром не продуло?

– Мы не только ветра, мы даже сквозняков не боимся, – за всех ответил Ананас.

– На посту ДПС нам захотят задать тот же самый вопрос – не продуло ли кого ветром. А ребята там дежурят с автоматами. После любого ответа нас расстреляют, как оказавших вооруженное сопротивление. Так обычно делается, если кого-то надо уничтожить. А им уже приказали нас уничтожить, как я понимаю ситуацию, поэтому обязательно будут тормозить под прицелами автоматов.

– И что ты предлагаешь? – прекратил пустой треп дядя Вася. – Как в таких случаях действует спецназ ГРУ? Обучи неумелых воевать.

⁷ ПГУ – Первое главное управление КГБ СССР, ныне – Служба внешней разведки, отделенная от ФСБ организация.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.